

УДК 81'27

DOI 10.26456/vtfilol/2023.1.086

**ЯЗЫК КАК ДЕТЕРМИНАНТА  
СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ**  
(на материале романа А. Марининой «Убийца поневоле»)

**И. В. Гладилина, Е. Г. Усовик**

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье на материале одного из романов А. Марининой рассматривается вопрос о взаимосвязи языка и стереотипов поведения человека, об интерактивных отношениях языка и сознания. Особенности отражения в языке, речи и поведении человека его картины мира, социальных установок и стереотипов рассматриваются на основе персонажей с различными социальными статусами: это маргинальная личность, следователь, военный и др. Рассматривается адаптивная функция языка в случае необходимости для человека приспособляться к радикально изменившимся обстоятельствам жизни, необходимости осваивать новую социальную роль.

**Ключевые слова:** художественный текст, лингвистический анализ текста, языковая личность автора, языковая игра.

Жизнь каждого человека протекает по определенным правилам и нормам. Эти два понятия взаимосвязаны и предполагают друг друга: **правило** – образ мыслей, норма поведения, обыкновение, привычка [3, с. 529]; **норма** – принятые в данном обществе стандарты поведения [1, с. 209]; узаконенное установление, признанный обязательный порядок, строй чего-нибудь [3, с. 382]. У них есть общий компонент – стандарт. И норма, и обыкновение, и привычка – это определенная, стандартная, выработанная схема поведения, то есть социальный стереотип. Стереотип – упрощенное, схематизированное, зачастую искаженное, характерное для сферы обыденного сознания представление о каком-либо социальном объекте: группе, человеке, принадлежащем к той или иной социальной общности и т. д. [1, с. 342].

В жизни людей все стереотипно: еда, одежда, жилище, поведение и т. д. Более того, сам социум требует этого от человека. Вся совместная деятельность и общение протекают на основе принятых в обществе образцов поведения, о чем свидетельствует однозначное реагирование окружающих на поступок кого-либо, отличающийся от поведения остальных. Окружающими ожидается от каждого, кто занимает определенную социальную позицию (по возрасту, должности или другим характеристикам) исполнения определенной роли.. Получается, что, взяв однажды на

© Гладилина И. В., Усовик Е. Г., 2023

себя ее выполнение, человек не может выйти за установленные рамки: одобряемый и ожидаемый обществом образец поведения начинает управлять жизнью человека, создавая иллюзию независимого бытия. Она фактически неразличима, так как стереотипы поведения, в том числе и речевого, возникают вследствие повторяемости определенных ситуаций, а не основываются на логических законах. Так что человек исполняет обязанность – жить внутри стереотипа – весьма охотно. Это удобно, облегчает жизнь, экономит наши эмоциональные и речевые усилия для объяснения своего поведения и себя перед сообществом. Добровольный отказ от стереотипа едва ли возможен. Он происходит только в ситуации кризиса, когда заданная схема перестает работать либо приводит к минус-результату – жизнь дала трещину.

Диапазон социальных стереотипов чрезвычайно широк: от образцов поведения, отвечающих требованиям закона, воинского долга, профессиональной деятельности до правил вежливости. И каждый из героев романа А. Марининой играет свою социальную роль (маргинальный элемент, следователь, военный, жена, дочь) и реализует волей-неволей (в буквальном смысле) свой стереотип, социальный и языковой, ибо последний тоже играет немаловажную роль в формировании и закреплении стандарта.

В этом отношении читателя романа сразу привлекает колоритная фигура – Бокр. Сама внешность – «этот чудной типчик», «чудаковатый Бокр», имя, которое не воспринимается как таковое: «Вы можете называть меня просто Бокр. «Странная кличка, – быстро подумала Настя» [2], странные словечки «итерация, эпидерсия, пердимонюкль», значение которых известно далеко не каждому носителю языка, – все кажется необычным, нестандартным: «Настя с изумлением разглядывала человечка, возглавлявшего присланную Денисовым группу. Он был похож на «на ящерицу, *экзотическую* и опасную» [Там же] (здесь и далее выделения в цитатах курсивом наши. – И. Г., Е. У.); «Ого! Денисов мне подсунил *урку-интеллектуала*» [Там же].

На самом деле это – стандарт нашего восприятия людей подобного социального статуса. Персонажи романа, равно как и читатель, находятся в плену собственного стереотипа, маркируя нарушение правил построения сценария ситуации, социального и речевого поведения языковыми единицами с общим значением «крайнее удивление», которое вызвано несоответствием ожидаемого развития событий и их реального протекания: «...Леша <...> *с ужасом глядел* на человечка в длинном пальто... <Чистяков> готовил ужин, *с недоумением* прислушиваясь к взрывам странного заливистого хохота. <...> Ася с утра предупредила, что вечером к ней придет человек, выполняющий ее задание, и *Лешка был уве-*

рен, что этим человеком *непрерывно будет сотрудник милиции. А как же иначе?»* [Там же].

Бокр воспринимается как нечто не вписывающееся в заданные рамки поведения, как человек-недоразумение, необъяснимое с точки зрения здравого смысла (читай стереотипа): «*Урка-лингвист. С ума можно сойти*» [Там же].

Но и Бокр, к сожалению, живет по описанной схеме: отказ от предыдущей социальной роли и соответствующего стереотипа происходит, как и положено, в момент жизненного кризиса – герой попадает в тюрьму. Чтобы адаптироваться к новым обстоятельствам и сохранить себя (не принять нормы жизни преступного мира), он выбирает, казалось бы, необычный способ – чтение книг, запоминание и использование необычных словечек, подбирает непонятное для окружающих имя. Однако это всего лишь попытка закрепиться с помощью языка в новом стереотипе, это всего лишь языковая игра, иллюстрирующая в очередной раз, что старый стандарт «обустройства жизни» уже не оправдывает себя и нужно создавать новый: «Я отрыл эту книжку в библиотеке, когда мотал срок за грабеж. Представьте себе, фраза меня просто покорила, околдовала, заворожила. Глокая куздра штеко будланула бокра и курдючит бокренка. <...> *Эта фраза помогла мне выжить в зоне. Я полез в учебники русского языка, чтобы вспомнить, что такое морфология. <...> А кроме того, я занял голову придумыванием новых слов* и даже сочинял, лежа на нарах, целые рассказы. У меня был любимый герой, вернее, героиня, я назвал ее “гурильная шаболда” и придумывал про нее всякие истории. *Все слова, разумеется, были искусственные*, но со строгим соблюдением правил морфологии русского языка. *Игра* <явным образом языковая. – И. Г., Е. У.> настолько увлекла меня, что я смог продержаться до конца срока, *не утратив способности нормально соображать* <сохранить свою личность>» [Там же].

Герой вынужден формировать новый стереотип, потому что, как справедливо замечает Каменская, «...признак здоровой психики и развитого интеллекта – это умение приспособиться к тому, как жизнь устроена, *адаптироваться*» [Там же]. Адаптация – приспособление к изменяющимся условиям [4, с. 21] – напрямую имеет отношение к созданию стереотипа, это его механизм.

Да и само новое имя взято героем из известной фразы, придуманной академиком Л.В. Щербой как искусственный пример, подтверждающий теоретическую возможность отдельного существования формы и восприятия ее человеком, что обусловлено всего лишь одним компонентом – наличием грамматического значения при полном отсутствии лексического (содержательной стороны высказывания). Этот момент как нельзя лучше подтверждает положение о том, что, если нам известен

хотя бы один из параметров, закрепленный общественной практикой за определенным стереотипом, остальное мы с легкостью достраиваем сами, часто не обращая внимания на реальное положение вещей. Стереотип готов, и общество требует от каждого из нас беспрекословного следования ему.

И теперь Бокр внимательно относится к речи, воспринимая ее как игру, как необходимую составляющую жизни: «...не менее интересно использовать уже известные слова в новом контексте. Вот, например, слово “примочка”» [2].

Фактически история Бокра, как и других героев, это история крушения одного собственного миропорядка и созидание иного, история перемещения из одного стереотипа в другой.

Интересной и одновременно трагической в контексте избранной нами логики описания действий по заданной схеме является фигура генерала Владимира Вакара – еще одного пленника стереотипа.

Стереотип формируется в детском возрасте в результате бессознательного усвоения стандартных социальных ролей и обслуживающих их речевых формул. Детские годы Вакара оказались лишенными родительского внимания: он рос сиротой, детство и юность Володи Вакара прошли в казарме.

В отсутствие реальной семьи Вакар придумывает себе ее идеальный образец. И здесь А. Маринина намеренно играет с еще одним культурным клише – положительное влияние русской классической литературы на формирование личности. Тем более значимым оказывается тот факт, что знаками прецедентных текстов русской классики оказываются именно штампы: «Тургеневские девушки, чеховские семейные чаепития с самоварами, патриархи, восседающие во главе стола в окружении детей и внуков, – все это сформировало его представление о семейной жизни» [Там же].

Первый сбой в алгоритме, сулящем безмятежное, безоблачное семейное счастье, не заставил себя ждать, жена сделала аборт: «Вакар почернел от горя, он вообще не понимал, как можно не хотеть детей. Детей *должно* быть много, считал он, чем больше – тем лучше» [Там же].

Действительно, схема долга, доминантная для Вакара, и здесь приносит свои плоды: он добивается результата, правда, не принимая в расчет значимые детали: «И он вымолил, выпросил у нее первенца, девочку, Лизоньку. Елена, словно сделав ему огромное одолжение, упорхнула на работу, едва перестав кормить малышку грудью. Лизу отдали в ясли» [Там же]. Именно результат, а отнюдь не способ его достижения оказывается главным для героя, поскольку промежуточный итог позволяет ориентироваться в заданном шаблоне. И Вакар, судя по результату, на верном пути к книжной семейной идиллии.

Но новое испытание не заставляет себя ждать. Следующий шаг по пути гарантированного счастья – рождение второго ребенка – оборачивается трагедией. Андрей, сын Вакара, оказывается необычным ребенком: «Факт необычайной одаренности Андрея Вакара был предан огласке, когда ему было уже восемь лет, когда вся квартира была увешана его картинами, а написанные им стихи и поэмы занимали несколько толстых тетрадей. И в семью пришла Слава» [Там же]. Убийство сына, жестокое и нелепое, как любое убийство, диктует свою стратегию восприятия. Попытка восстановить справедливость в логике, поддержанной законом, не приводит к ожидаемому результату. Закон – архистереотип – оказывается бессилён:

«Через два дня усталая толстая женщина-следователь сказала Вакару:

– Что мы можем с ними сделать? Ни одному из них нет четырнадцати лет ..

– А как же мой сын? – растерянно спросил Владимир. – Он же умер. Кто-нибудь должен за это ответить? ..

– Я вам искренне сочувствую, – тихо сказала следователь. – Но поверьте мне, закон не поддерживает идею возмездия.

– Значит, это плохой закон, – твердо сказал Вакар и ушел» [Там же].

«Плохой» как оценка закона в речи Вакара указывает на разрыв между его личным стандартом и «общеобязательными правилами, установленными государством». Так впервые, если двигаться по тексту романа линейно, обозначается «зазор» между личными представлениями образцового гражданина и общественной практикой. Только после гибели Вакара читатель узнает, что генерал уже когда-то нарушил закон: «взял на себя смелость *не выполнить приказ*, основанный на устаревшей информации» [Там же] и тем самым спас своих солдат от верной смерти. При этом сам герой, осознавая разрыв, все-таки предпочитает логику закона. Он решается ее нарушить только под угрозой разрушения его святой святынь – семьи. Напомним, что последняя также сформирована в соответствии с доминантным для Вакара стандартом – долгом: «Но ты все равно *должен* это сделать <покарать убийц сына. – И. Г., Е. У.>, иначе Андрушина душа никогда не успокоится и тебе никогда не будет прощения» [Там же].

Итак, именно долг мужа, долг отца толкает его на преступление: личный стереотип побеждает общепринятую норму. Однако победа оказывается Пирровой: «С тех пор прошло девять лет. Из четырех малолетних убийц в живых остался только Игорь Ерохин. Генерал-майор Вакар знал, что его *долг* – защитить семью, дать покой жене и дочери. Пусть они тысячу раз не правы, но они – его семья, и он выполняет свой *долг*

мужчины, мужа и отца. Сейчас, когда ему вот-вот стукнет пятьдесят, он с горечью начинал сознавать, что всю жизнь *неправильно понимал два самых главных слова: “долг” и “семья”*. Но уже поздно, он уже в ловушке, за его спиной – три трупа. И скоро будет четвертый» [Там же].

Примечательно, что под ловушкой он понимает совершенные преступления (не слишком ли невинно?), на самом же деле ловушкой оказывается избранный когда-то образ поведения. При этом сам герой бессознательно ссылается на языковую природу формирования своего стереотипа. Стандартная языковая омонимия: *долг*<sub>1</sub> ‘обязанность’ и *долг*<sub>2</sub> ‘то, что взято взаймы, задолженность’ – не распознается героем первоначально, а когда это наконец происходит, оказывается поздно.

Итак, Бокр и Вакар существуют по присвоенным социальным стереотипам. Общественная практика в этом отношении создала стандарт высшего порядка – закон, следовать которому обязан каждый, несмотря на абстрактную форму его существования. Наиболее последовательно эту линию поведения реализует Каменская. Она – гимн данному стереотипу: «...если человек совершает преступление, он должен быть разоблачен и наказан, но это совершенно не означает, что с ним при этом нельзя общаться. <...> Есть нормальные человеческие отношения, которые не должны зависеть от официальных отношений преступника с системой правосудия» [Там же].

Согласно своему профессиональному статусу, она от имени государства выступает как фигура, призванная обеспечить реализацию закона. Но при столкновении с жизненным контекстом Каменская позволяет себе усомниться в правильности избранного стандарта. История Вакара воспринимается ею и как следователем, и как человеком. Тут возникает «зазор» между долгом и рефлексией по отношению к его исполнению:

«– Мне жалко Вакара. Мне безумно жалко Вакара, – тихо повторила она.

– Я не хочу, чтобы он оказался за решеткой. Это никому не принесет радости» [Там же].

Кажется, что она готова нарушить правила игры, и мы могли бы говорить в стандарте литературоведческих категорий о наличии конфликта. Однако, понимая, в какую ловушку жизни и закона попал Вакар, Каменская в итоге решает этот вопрос однозначно, в рамках, предписанных правосудием, причем решает его как очередную «логическую задачу» с единственно верным вариантом ответа: «Мне интересно решать задачи; Обладая четким мышлением математика, для которого не существует слов «этого не может быть», она обычно не упускала ни одной версии и ни одного объяснения, какими бы невероятными они ни казались на первый взгляд...» [Там же].

При всей кажущейся нестандартности интеллектуальных способностей Каменской (женщине в бытовом представлении несвойственно строго логическое мышление) и ее поведения (вопреки профессиональным правилам она обращается за помощью к представителю криминальной среды) само языковое оформление образа указывает на его стереотипную природу. Она следовательно, поэтому каждый день решает «задачи»: «...я занимаюсь своим делом. Решаю задачи, отгадываю загадки, копаюсь в чужих секретах» [Там же]. В ее речи преобладают вопросительные конструкции и небольшие по объему сложные предложения, состоящие из двух-трех предикативных частей. Нередко эти два вида синтаксических единиц сталкиваются в пределах одного контекста как вопрос и поиск возможного ответа в достаточно короткой формулировке, отражающей конкретный, точный ход мысли. Поэтому так велика доля простых предложений со значением причины и придаточных со значением условия и следствия: «Что-то все время не сходится, думала Настя, в моей схеме есть какой-то дефект, из-за которого конструкция постоянно разваливается. Почему же они не убили этого психа? Ведь за ним пошел Удунян. <...> Так почему же его не убили? Потому что он объяснил Удуняну, что никакого отношения к Даше не имеет <...> даже если допустить невероятное и псих во всем признался Удуняну, это должно было автоматически означать, что Даша – лицо случайное и никакой опасности не представляет» [Там же].

Отмеченная специфическая языковая организация образа Каменской свидетельствует о том, что она не размышляет вне рамок стереотипа – «исполнение долга по закону», «логическая задача следствия» (кстати, необходимо заметить, что в ее речи нет ни одного фразеологизма, а в тексте романа всего пять идиом, так как жесткая математическая логика решения не предполагает метафоричности и экспрессивности). И в итоге судьба человека – не более чем условие новой задачи, ответ которой заранее определен законом, а потому в принципе ей известен; остаются одни частности, связанные с ее личной рефлексией.

Это особенно ярко проступает, если сравнить организацию речи Вакара. До момента наступления жизненного кризиса в языке героя велика доля простых предложений, так как он имеет твердые представления о долге, о нормах и правилах, по которым протекает его жизнь и жизнь его семьи: «Вакар всегда знал, в чем состоит его долг солдата. И он всегда знал, в чем состоит его долг мужа и отца. Он должен защитить свою семью. Он должен содержать свою семью. Он должен обеспечить своей семье если не счастье, то по крайней мере покой» [Там же].

Даже когда он внутренне не согласен с близкими, он использует короткие конструкции: «Генерал Вакар привык дома пользоваться лако-

ничными фразами. Зачем тратить силы на слова, если слова твои никому не нужны» [Там же].

О надвигающемся переломе в мировоззрении свидетельствует увеличение доли предложений вопросительного типа: «Почему так получилось, что он, генерал Владимир Вакар, гоняется за двадцатитрехлетним мальчишкой, к которому не чувствует ни ненависти, ни злобы, вообще ничего? Как он позволил загнать себя в эту ловушку? Он, боевой генерал, участник множества войсковых операций, командовавший воздушно-десантной дивизией, всегда четко понимал, что такое долг и обязанности. Может быть, именно это его и погубило?» [Там же].

И далее, по мере развития кризиса, возрастает количество многокомпонентных предложений, состоящих из четырех-пяти единиц. Это способ на уровне синтаксических построений передать попытку глубокого размышления об истинности / ложности принципов своего восприятия и поведения, это попытка аргументировать смену стандарта и адаптироваться к правилам нового стереотипа.

Таким образом, все ключевые герои романа, рассмотренные нами, живут внутри стереотипа. У каждого он выстроен сознательно, но в результате созданная схема сама диктует образ поведения, манипулирует своим создателем. Ты обязан быть стереотип-*man*-ом (социализованным человеком поневоле), иначе – выпадаешь из принятой общественной практики, становишься социальным аутсайдером. Но в действительности диапазон общественных практик широк, и они постоянно пересекаются и сталкиваются друг с другом, часто образуя конфликт между общепринятыми представлениями и личной рефлексией. Спусковым механизмом любого стереотипа оказывается категория долженствования: я должен, ты должен, так должно быть, так должно поступать. Именно такое языковое оформление имеют мотивы действий героев романа, и язык, задавая стандарт, играет с каждым из них, заменяя реальный ход событий иллюзией бытия. И в этой ситуации третье значение английского слова “man”, не задействованное в русском языке, – пешка – оказывается в равной степени актуализированным, наряду с привычными значениями «человек» и «мужчина».

### Список литературы

1. Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Москва : Политиздат, 1985. 431 с.
2. Маринина А. Б. Убийца поневоле [Электронный ресурс] // Детективы и триллеры. URL: [http://rulibs.com/ru\\_zar/det\\_police/marinina/b/](http://rulibs.com/ru_zar/det_police/marinina/b/) (дата обращения: 08.01.2023).
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Москва : Советская энциклопедия, 1972. 846 с.
4. Словарь иностранных слов. Москва : АСТ-Пресс, 1999. 631 с.



## LANGUAGE AS A DETERMINANT OF SOCIAL STEREOTYPES (on the A. Marinina's novel "Involuntary Killer")

I. V. Gladilina, E. G. Usovik

Tver State University, Tver

In the article, based on the material of one of the novels by A. Marinina, the question of the relationship between language and human behavior stereotypes, about the interactive relationship of language and consciousness is considered. The peculiarities of the reflection in the language, speech and behavior of a person of his worldview, social attitudes and stereotypes are considered on the basis of characters with different social statuses: this is a marginal person, an investigator, a military man, etc. The adaptive function of language is considered if it is necessary for a person to adapt to radically changed circumstances of life, the need to master a new social role.

**Keywords:** *literary text, linguistic analysis of the text, linguistic personality, language game.*

### *Об авторах:*

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Gladilina.IV@tversu.ru.

УСОВИК Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Usovik.EG@tversu.ru.

### *About the authors:*

GLADILINA Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Head of the Russian Language Department, Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: Gladilina.IV@tversu.ru.

USOVIK Elena Grigorevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Russian Language Department, Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: Usovik.EG@tversu.ru.

---

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.02.2023 г.

Дата подписания в печать: 27.02.2023 г.